

Джигарханян отказался позировать нашему корреспонденту и правильно сделал.

Жизнь и нравы все время меняются, и я, например, уже и не знаю, как здороваться с дамой. Говорят, вышло постановление, что надо ждать, когда дама первой протянет руку мужчине. Я тут с одной особой встречался и попал впромак: она руку не протянула и я не знал, как себя вести...

Джигарханян нервничает, распяляется...

- Вы меня спрашиваете, могу ли я вернуться в детство в той пьесе, которую вы предлагаете. Не знаю, как вам ответить, скорее нет. Недавно три дня я пробыл в Ереване, а до этого не был там пять лет, но мне уже шестьдесят пять, и я все думаю, зачем же поехал в Ереван? Ну да, увидел своего школьного товарища, с которым не виделся больше тридцати лет, но думаю, а зачем я его увидел. Так что нет, нет, мы не договоримся, в детство я не хочу.

Джигарханян волнуется. Собеседник почти обиженный покидает кабинет...

- А я говорю, снимайте именно так, как я сижу и смотрю на вас, я не хочу пересаживаться и позировать. Не получится - не получится, ну и не надо. На обложки давайте красивых ребят.

Пришедший со мной фотокорреспондент тоже попадает под горячую руку Армена Борисовича, обижается, сворачивается и демонстративно нас покидает.

- Армен Борисович, честно, у вас нынче нехорошее настроение?

- У меня уже давно нехорошее настроение. Знаете, я начал бояться театра. Вот сейчас ваш фотокорреспондент пытался сделать из меня статую, но я не хочу быть статуей, потому что "искусство" и "искусственный" имеют один корень. Я начинаю думать, ради чего мы ходим в театр, играем на сцене? Ну ладно, я профессионал, это моя профессия, но если завтра придет к нам, скажем, английский Королевский театр и привезет "Отелло", то попасть

насчет мудрости не знаю, а печальнее точно, мне уже многое не интересно, у меня такое ощущение, что про театр я знаю все.

- А про кино? Вы отдали ему полжизни. Ведь вы самый снимаемый актер в стране. Не шутка - двести лет.

- Насчет кино не знаю, а вы можете объяснить, что такое кино? По-моему, это не искусство. Параджанов говорил, что кино - это сюжет-мужет, а что там играют - это полная лабуда.

- А вот товарищ Ленин считал кино важнейшим из искусств.

- А кто-то сказал иначе: "Из всех искусств самое лучшее для нас - здоровье".

Джигарханян устал... Вот-вот будет пять лет его театру, что по Коопера-

ное в этот момент - это животное чувство.

- Вы довольны своей маленькой труппой?

- Я уже не доволен ничем, потому что быть довольным - это идиотское состояние. Мой театр нормальный - он

- Парирую, я бы ответил: "Идиот! Мы все идиоты, кроме Федора Достоевского". И все-таки, вы никогда не сожалели, что ваша театральная карьера по чистой случайности не началась в театре Эфроса с роли Ленина?

- Вы знаете, какую песню Эдит Пиаф я люблю больше всего? "Я ни о чем не жалею". Так вот, я тоже, и, более того, ни в чем не раскаиваюсь. Я отвечаю за все, что сделал.

- Я заметил, что вы конфликтный человек. Для меня как зрителя вы точно отец родной

- и мудрый, и добрый, - на вас можно положиться, но, изучив вашу жизнь, узнал, что вы со многими переругались. Почему?

- Да бывает, когда я отрезаю и кончаю отно-

сейчас думаю: да все нормально. Час назад я был одним, а теперь стал другим. Я не могу давать советы другим, потому что сам живу безответственно. Я все делаю, как диктует мне сердце, слушаю, как организм реагирует на события, запахи и цвет, я всегда говорю только то, что думаю или как настроен сейчас. Завтра мое мнение может измениться. Я не вечный, не вчерашний и не завтрашний, я только сегодняшний.

- По Армении скучаете? Ведь все начиналось там.

- Не скажу, вы возьмете и опешите. Это другое чувство - Армения, это животное чувство. Поэтому да, скучаю, вот был три дня, расстроился, радовался, волновался. Но я не буду рыдать: "Ах, Арагат..." Ерунда все это, нормальнее надо жить. Надо смеяться, встречаться, расставаться, любить.

- Когда вы сидите в гримерной перед зеркалом, вы задумываетесь, глядя на себя, что вам шестьдесят пять? Или кажется, что вам шестьдесят? А может быть, семьдесят?

- Смотрю, но так не думаю.

- А жена говорит: "Армен, ты такой молодой", или: "Армен, куда ты торопишься, ты почему стареешь?"

- Если бы такие разговоры были у меня в доме, я бы повесился.

- Ваш дом - это жена и сын?

- С сыном я не общаюсь. Вообще не общаюсь.

- Почему?

- Это мои дела... Даже не знаю, чем он занимается. Нет у меня никого... Вот так. Это не мой сын, это сын моей жены.

- Не понимаю, здесь что-то национальное, кавказское, традиции, характер или что-то другое?

- Не знаю, может, что-то прибалтийское... есть же феномен Сиды, я не хочу изображать счастливого папу, мы с ним разные люди абсолютно. И слава Богу.

Я недаром пытался разговорить великого актера о личном. Это не удалось еще ни одному журналисту. Не удалось мне. Обычно о детях, жене, семье он отвечает односложно, уклончиво. Может быть, это связано с личной драмой - в канун нового, 1988 года в автострофе погибла дочь Джигарханяна Елена, актриса Театра имени Маяковского, с которой отец играл в одном спектакле "Закат". В книге Н.Цыркун о Джигарханяне, подаренной мне Арменом Борисовичем, приводится мартиролог потерь известных актеров: погибла дочь Жан-Поля Бельмондо, сыновья Пола Ньюмана, Евгения Моргунова... Быть может, и впрямь столь жесткий несправедливый и дьявольский способ устанавливает некий природный баланс: если кому-то из родителей дано много таланта, значит, следующее поколение за эту всевышнюю щедрость может расплатиться.

- Скажите, я правильно понял, что вы абсолютно натуральный, естественный человек и вам чуждо все пафосное, напыщенное, заемное?

- Да, еще раз: я животное, во мне это самое сильное ощущение, я слушаю свои инстинкты, свои желания и подчиняюсь только им.

- Первую любовь помните? Какой она была?

- Но она была минимумом шестьдесят три года назад. Вы все-таки хотите узнать, как рождается и как кончается человек? Хотя, вы знаете, человек рождается точно таким же, каким умрет. Это утверждает медицина, и об этом говорил мне мой друг академик Левон Бадалян. Он был специалистом по детскому мозгу. Помните, как гениально это показано в одном из фильмов Феллини, когда фрески то ли оживают, то ли утрачиваются? Вот и человек, он входит в мир - и все, начинается деградиация... А вы о первой любви... Хватит об этом. Первая любовь - это совсем другое...

Феликс Медведев

В спектакле "Беседы с Сократом"

Я ПОДЧИНЯЮСЬ ИНСТИНКТАМ

С любимым котом Филом

на спектакль будет невозможно. Кто же зритель? Пятьдесят процентов - это те, кто ходит в театр, чтобы себя показать и других посмотреть. Как-то якутский театр в Москву привез "Гамлета", очень оригинальный спектакль. Я пошутил: "Это какой "Гамлет", которого Смоктуновский играет?" Так все же почему мы идем в театр? Может быть, разгадка в том мальнике, который сорок три раза смотрел фильм "Чапаев" в надежде, что герой выплывет? Может, в этом тайна?

- Да и Иосиф Виссарионович пятнадцать раз смотрел Булгакова, не мог, видно, понять: за белых был Булгаков или за красных?

- Вы правы, это то же самое, если смотреть в корень. В театр нас влекут иллюзия, обман, Золушка. Вот я и разочаровываюсь. Хотя, быть может, надо очаровываться? Ведь не все так просто. Моя теща смотрела эти самые сериалы про богатых, которые плачут, и как-то я невольно услышал пару ее фраз в телефонном разговоре с подружкой: "Да вы что, вы не поняли, Карлос ее любит, ну что вы мне говорите, я же заметила, как он на нее посмотрел". Обман!

- Ну хорошо, Армен Борисович, а раньше-то вы этого всего не чувствовали, что ли? Только сейчас прозрели?

- Вы знаете анекдот о том, как заяц подал на развод? Заячиха плачет, судья спрашивает зайца, зачем, мол, разводишься? А тот отвечает: "А она косяк". "А я-то думаю, что она глазки строит", - отвечает судья. Вот и со мной то же самое: я-то думал, что театр - это хорошая вещь, а потом понял, что не очень хорошая. Вы спросили про настроение. Один мой персонаж говорил: "Я стал мудрее и печальнее". Вот и я

тивной улице, дом 4, корпус 15. В феврале 1995 года актер ушел из ВГИКа, где вел курс, недовольный системой преподавания, обвинив руководство института в отходе от лучших традиций. Ушел, но свой курс не бросил, а создал из него театр. Худо ли-бедно ли театр стал популярным не только в районе метро "Спортивная", где располагается, но и во всей Москве. Во время нашего разговора Армен Борисович просматривал пригласительные билеты гостям юбилейного спектакля, а через полчаса он должен был прервать наш разговор и выйти к труппе. У Мастера прогон спектакля, но, как мне показалось из короткого общения в тот вечер, у Джигарханяна прогон жизни, прогон прошлого, прогон судьбы. Вот он и нервничал.

- Армен Борисович, как я понял, и в театре, и в жизни вообще вы против позирования, аффекта, вы за то, что надо быть естественным.

- "Надо быть" - это меня не касается. Я такой, какой есть, и мне не стыдно в свои года уходить с базара. Ведь я ухожу с базара.

- И вас никто уже не заставит что-то делать против вашей воли. Тут и режиссер, выходит, бессилён?

- (Улыбается в усы.) Ну почему же? Если хорошо заплатят, я уступлю, только вот проституткой не буду, постарюсь ею не стать, потому что я все-таки ответствен перед актерами, перед людьми, перед моими юными коллегами, которых я учу и настаиваю. Они увидят меня в позе и скажут: наш-то, мол, проститутка, говорит одно, а делает другое.

- А чему же вы, разочарованный, учите актеров? Чтобы они не разочаровывались?

- Не совсем так, с вами говорить - это одно, а с ними - другое, и к труппе я выхожу другим. Во мне самое силь-

развивается, как ребенок: не все сразу, нынче описался, завтра заплакал, зубки пошли... И у нас также: пять лет, мы дети, мы больные, мы ветер. Боюсь, что после меня придет другой режиссер, говно, простите, какое-нибудь, и будет им жизнь портить сквозняком, все простудится. Как я могу быть довольным? Да и что значит быть довольным? Значит - дальше все, Ваганьковское.

- Как же и чему вы учите?

- Да все просто, я им говорю то, что знаю, что перед спектаклем, к примеру, не надо есть чеснок. У одного моего актера на лице выскочили прыщики, и я уже второй день звоню академику Скрипкину, дерматологу, чтобы моего ребенка подлечить. Это тоже моя забота. Или вразумляю другого: "Сынок, чуть тише говори, не кричи, тебя услышат".

В общем, я уже жалею, что сказал вам о своей усталости. Это не та усталость, которой я кокетничаю, это мое физическое состояние. Вот при вас человек предлагал мне играть короля Лира, и я ему, вы слышали, ответил: нет, не хочу играть Дедушку Мороза с бородой из ваты. Один очень хороший режиссер предлагал сделать "Короля Лира" в Театре Маяковского, и я согласился, но добавил: если за каждый спектакль буду получать по пять тысяч долларов. Тогда в месяц я буду играть четыре спектакля и больше ничего не делать, остальное время буду только отдыхать, восстанавливаться. Потому что король Лир отнимает огромные физические силы. Кстати, здесь, мне кажется, кроется одна из причин неудач этой роли: часто играют старики, а сил не хватает. Лира должен играть 40-летний актер в хорошей физической форме, а 70-летний может на сцене умереть. Однажды мы играли с Олегом Павловичем Табаковым спектакль под названием "Ужин". Там была хорошая фраза: "Почаще предавайтесь меланхолии, она нас примиряет с мыслью о смерти". Так что не бойтесь, что я устал, в этом нет ничего страшного. Важно, что я это осознаю. Я видел одного хорошего артиста, который играл роль, не подходящую ему по возрасту. Знаете, что меня убило? Перед выходом он губы накрасил, хотя роль была очень серьезной. Он хотел выглядеть молодым, но помада - это же ужасно!

- Хочу задать вам провокационный вопрос, не возражаете?

- Задавайте. Рабиновичу уже задавали такой вопрос: "Рабинович, вы идиот или нет?" Парируйте.

шения с тем или иным человеком. Без объявления войны. Даже с очень близкими людьми...

- Такой уж у вас характер?

- Не знаю. Наверное, этому научила жизнь. Нет, нет я действительно ни о чем не жалею, но мои проблемы - это ночью в подушку, и это уже не ваше дело. Я могу разрыдаться и лезть на стенку. И тогда прихожу к осознанию своего поступка, своих действий. У меня нет пожелания, что же я наделал, я отвечаю за все.

- А если бы когда-то при той же конфликтной ситуации вы остались работать с великим режиссером Эфросом, стала бы ваша карьера иной?

- Не знаю, думаю, что нет. Теоретически могла измениться, ведь Эфрос - гений, он ко мне хорошо относился, и я его очень любил и люблю. Так вот, однажды он сказал: "Ты знаешь, Армен, меня раздражает твое здоровье".

- Что он имел в виду?

- Это можно выяснить только у него, ну, увы, над загадочной фразой я не хочу фантазировать. А так все нормально: жизнь течет, мой театр - это не уродство, не флюс, я готов пройти через все и отвечать за все. Это ведь интересно - отвечать за все. Вот поначалу я немного расстроился, когда фотограф нас покинул и когда ушел со своей папкой режиссер, предлагавший мне ставить "Короля Лира". А

